

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ТЕОРИИ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ: ШАГ В XXI ВЕК»

12-14 ноября 2008 г. в Москве в Институте всеобщей истории РАН состоялась десятая ежегодная научная конференция Общества интеллектуальной истории «Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век». В ее работе приняли участие ученые из стран дальнего (Бельгия, Бразилия, Великобритания, Германия, Мексика, Польша, США, Финляндия, Франция, Швеция) и ближнего зарубежья (Армения, Белоруссия, Казахстан, Молдавия, Таджикистан, Украина), представители ведущих академических институтов и вузов Москвы и Петербурга, преподаватели региональных классических и педагогических университетов и других вузов, география которых включает такие города как Барнаул, Белгород, Волгоград, Воронеж, Екатеринбург, Иваново, Казань, Курган, Липецк, Майкоп, Нальчик, Нижний Новгород, Переславль, Пермь, Пятигорск, Омск, Ростов-на-Дону, Самара, Саратов, Сочи, Ставрополь, Сыктывкар, Тверь, Томск, Ульяновск, Уфа, Чебоксары, Челябинск, Ярославль.

На конференции обсуждались актуальные проблемы исторического познания, а также вопросы, связанные с расширением междисциплинарных взаимосвязей и переопределением места истории в системе современного социогуманитарного знания. Работа конференции проходила в рамках пяти секций и двух пленарных заседаний. Представленные на них доклады свидетельствуют о широте интересов участников конференции — от теоретико-методологических проблем исторической науки, поиска альтернативных социальных теорий, исторических концепций и моделей интерпретации до новаций в современном образовательном пространстве отечественной и зарубежной высшей школы. При обсуждении каждой проблемы имело место своеобразное пересечение исследо-

вательских полей, обострявшее проблему контекста заявленных тем. Дискуссии выявили вполне ожидаемое несовпадение точек зрения, подходов и методов. Другой примечательной чертой научной полемики была конструктивная диалогичность, что позволило, в конечном счете, прийти к обобщениям и наблюдениям, которые разделила большая часть присутствовавших.

В ходе работы Секции 1 «*Методология и эпистемология истории*» наиболее дебатлируемыми оказались проблемы, связанные с явлением постмодернизма (проявилось два подхода: подход, выражающий полное неприятие, оценивающий постмодернизм как угрозу истории, и подход, предлагающий учитывать новации, формирующиеся в том числе и под постмодернистским влиянием), междисциплинарного синтеза, современных средств репрезентации продукции исторического ремесла, а также роли методологии в обновлении образовательного процесса. В отношении самого феномена постмодернизма и его «исторической жизни» многие согласились, что с одной стороны он — своеобразный вечный спутник культуры, с другой — знак кризисного состояния знания. При этом сам кризис рассматривался не в усеченном формате упадка и деградации, а как более сложное явление, несущее с собой и ростки нового.

Особенно острые споры вызвала проблема междисциплинарности в поле теоретических гуманитарных дисциплин. Участники обсуждения соглашались в том, что теоретический компонент исторического знания — это своеобразное пространство встречи разных наук, отмечали сложность необходимого синтеза, однако настаивали на опасности утраты «суверенитета» исторической науки, профессиональной идентичности, на напряженности в отношениях историка и теоретика. Сегодняшнее состояние гуманитарных наук таково, что историческое ремесло обладает всеми ресурсами для построения полидисциплинарных исследовательских стратегий не на произвольных основаниях, но в соответствии со строгими критериями отбора комплекствующих инодисциплинарных инструментов и методов, обеспечивающих возможность работы в режиме верификации.

Чрезвычайно важным и информационно насыщенным было обсуждение проблем методологии и компенсаторной роли теоретического знания в современной науке и в образовательном процессе. На

секции была поставлена проблема — что считать сущностью истории: практическое знание в форме нарративного объяснения или же теоретическое знание, пробуждающее воображение и рефлексию над экзистенциальными и моральными аспектами общественной жизни? Прозвучала и мысль о необходимости сближения научного знания и самосознания социума. В этом контексте был отмечен стремительный рост числа исследований, в которых рассматриваются не события, процессы и явления прошлого, а их интерпретации и изменения этих интерпретаций в истории. Эта проблематика не потеснила другой важной темы — нравственной культуры обучающего, во многом задающей ситуацию, когда благодаря ей педагог получает, как выразился бы Ухтомский, «заслуженного собеседника».

В том направлении дискуссии, которое связано с проблемами понятийного аппарата историка, подчёркивалась условность и размытость исторической терминологии, легкомысленное отношение начинающих исследователей к языку историка.

Центральной в работе Секции 2 «*История и междисциплинарность*» была проблема формирования новой междисциплинарной парадигмы исторического знания на рубеже XX–XXI вв., факторов и условий, определяющих уровень и характер междисциплинарного взаимодействия. Предметом анализа стали причины и проявления усиления воздействия как социально-гуманитарных и естественных наук на развитие исторического знания, так и истории — на другие дисциплины, а также эвристические возможности междисциплинарной методологии. Важное направление работы секции — рассмотрение становления, развития и современного состояния интердисциплинарных исследовательских направлений: микроистории, новой экономической истории, новой политической, новой культурной истории, интеллектуальной истории, истории досуга, истории тела, истории эмоций, культурной истории медицины, имагологии. Анализ эволюции теоретических основ, методологии, достижений данных историографических направлений показал, что в фокусе интердисциплинарных исследований — культурная природа социальных и интеллектуальных феноменов, изучение идентификационных практик в социальной жизни прошлого и историческом познании.

В центре дискуссии оказалась проблема сопряжения эпистемологических оснований и инструментария разных отраслей научного знания. Было обращено внимание на различия в подходах к пониманию критериев истинности и природы понятий в естественнонаучном и гуманитарном знании, в ряде выступлений — на трудности ограничения в использовании теорий и методов других наук в историческом исследовании, проблему «перевода» наработок других наук на уровень методологии и методики исторического исследования. Проблема языка междисциплинарных исследований, по мнению участников обсуждения, требует особой разработки. Корректное использование понятий, терминов, используемых в других дисциплинах, предполагает прояснение контекста их употребления, принадлежности к той или иной научной традиции, эволюции значения, соотнесения с актуальным историографическим контекстом.

Отдельная сессия секции была посвящена репрезентациям исторического знания. Обсуждался опыт использования разных форм репрезентаций, информационных технологий в образовательной и исследовательской практиках. Рассматривались возможности применения различных методов структурирования и визуализации исторического материала, интерактивного взаимодействия с аудиторией обучающихся и развивающих программ, трансляции исторического знания на непрофессиональную аудиторию с учетом особенностей его восприятия обыденным и массовым сознанием. Содержание докладов и дискуссия на сессии показали возможности усиления воздействия историков на сферу общего и профессионального образования, непрофессиональную среду за счет использования алгоритмов современной когнитивистики, информационных технологий, при соблюдении стандартов и норм профессионального знания.

К узловым проблемам, рассмотренным в рамках Секции 3 «*Парадигмы изучения прошлого и их актуализация*» в первую очередь следует отнести проблему историографических понятий. В ответах на вопросы речь зашла и о имеющем место злоупотреблении усложненной или двусмысленной терминологией. Проблема понятий получила еще один поворот при обсуждении вопроса об использовании терминологии зарубежной историографии и возможностях ее адекватного перевода. Это вызвало в завершающей части работы

секции дискуссию о языке национальных «гранд-нарративов» и о понятиях, транслируемых переводами и заимствованиями из других историографических практик. (Важность постановки этого вопроса также подтвердили доклады и дискуссия, состоявшиеся в рамках круглого стола «Историческая семантика: к 85-летию со дня рождения Рейнхарта Козеллека»). Вторая узловая проблема, скреплявшая сессии и дискуссионные выступления, касалась соотношения методологических новаций и мировоззрения историка с его позицией при отклике на современный «социальный заказ». Интеллектуальные диалоги по методологическим проблемам органично включали актуализацию историографического опыта. Однако основной упор был сделан на важнейших признаках современной историографической ситуации (новые концепции, способствующие преодолению барьеров между гуманитарным, социально-историческим и естественно-научным знанием, формирование нового видения истории глобальности, когда человечество представляется в качестве некой структуры, в живом взаимодействии глобальных и локальных структур).

Развернувшийся обмен мнениями увязал проблему соотношения глобальной истории, национальных и локальных историй с судьбами исторического образования и позицией историков в связи с выстраиванием конструктов государственно-национальной истории. Эта проблема четко обозначилась в докладах, посвященных особенностям создания на постсоветском пространстве «национальных» историй и применяемым для этого дискурсам. Был поставлен вопрос: не свидетельствуют ли процессы, происходящие в историографии на постсоветском пространстве, о межцивилизационной природе этого пространства. Было обращено внимание на возможную характеристику новизны таких «национальных нарративов»: «переживают “эпоху романтизма” в историографии», происходит становление национальных историографий; в связи с поисками дискурса и решением проблемы становления профессионального языка можно говорить об оформлении «этнокультурного словаря». Еще одна черта проявилась по ходу дискуссии: общая для всех «национально-государственных» историй «приватизация героев».

Дискуссию вызвали вопросы о референтных точках, по которым можно сравнивать российскую историографию с другими. По-

следовал обмен мнениями об особой роли конструирования объекта для компаративистских исследований, о возможностях сравнения глобальных объектов, имеющих сложную внутреннюю структуру, об эвристическом потенциале такого сравнения. В итоге была подержана мысль о принципиальной важности исследовательской процедуры. Отмечено, что современная ситуация свидетельствует о тенденции к возникновению сравнительной историографии внутри новой компаративистики. Это подтверждается реализацией в 2006–2008 гг. в Институте всеобщей истории РАН (при финансовой поддержке РГНФ) проекта «Образы времени и исторические представления в цивилизационном контексте: Россия – Восток – Запад». В конце дискуссии наметился поворот к другому комплексу проблем, связанному с различием памяти коммуникативной и памяти культурной, и с ролью современной историографии в их актуализации.

Постепенно обозначилась еще одна узловая проблема, связывавшая региональные и локальные истории с вопросами коллективной памяти, самосознания историка и его теоретико-методологическими поисками — проблема «присвоения прошлого» и «исторической идентичности». Была предложена условная типология «Фигур Памяти» и формируемых ими образов прошлого в региональных историях. На обсуждение был вынесен вопрос о значении музеев как конструкторов «Образов Места» и трансляторов «Фигур Памяти», а в этой связи — о возможных действиях историков по конструированию и/или деконструкции модели многоуровневой идентичности в полиэтничных регионах и определению ее соотносимости с национально-государственным нарративом.

Интерес вызвала и постановка темы в варианте «локальной», а не «провинциальной» историографии. Был дан толчок новому витку дискуссий по вопросам «профессионализации» исторического знания. Вновь прозвучала тема профессионального языка историка и его национальных версий, включая, с одной стороны, попытки перехода на националистическую лексику, а с другой — внимание к истории исторической науки как истории научных сообществ и именно в русле интеллектуальных сообществ («на первом плане люди и идеи»). Одним из аспектов обсуждения стал вопрос о конструировании объекта исследования, но уже применительно к истории слож-

ных регионов и региональной идентичности, когда важно учитывать совмещающиеся пространства, а также внешние влияния на формирование автообразов. Внутри «методологической» проблематики оказались прорисованы линии «неразрывности». Одна из них относится к глобальной и государственной истории. Вторая линия «неразрывности» касается «национальных», региональных и локальных историй. Возникший сразу же обмен мнениями показал особую остроту возможности синтеза макро- и микромоделей, вплоть до сомнения относительно возможности синтеза в принципе.

В центре внимания Секции 4 «*Историография и ее история*» оказались теоретические проблемы, имеющие отношение к определению дисциплинарного образа историографии, ее предметного пространства. Специфику историографии участники секции увидели в ее особой функции, направленной на анализ «дисциплинарной истории», подчеркивая при этом ее интегрирующую роль в системе профессионального исторического знания, очерчивались перспективы изменения проблемного поля историографии, направленные на повышение эпистемологического статуса дисциплины — создание «картографии» историографических дисциплинарных традиций с учетом национально-региональной специфики.

Полемику вызвала мысль, поставившая под сомнение традиционные представления о статусе историографии как отдельной области исторического знания. Эта мысль, встретив среди участников секции поддержку в той ее части, которая определяет ролевой статус историографии, не нашла понимания, когда речь зашла о ликвидации дисциплинарной самостоятельности этой субдисциплины. Хотя, с другой стороны, трудно не согласиться с тем, что происходит размывание историографического и конкретно-исторического исследования в современной исследовательской практике. Этот процесс можно рассматривать пессимистично — историография исчезла, а можно увидеть в нем и другое — возможности включения в систему интересов историографии максимально полного ресурса интеллектуального опыта осмысления прошлого. Такая направленность предполагает поиск новой междисциплинарной стратегии, в которой фигура историографа приобретает характер «универсального историка», являющегося и «специалистом в области знания историче-

ского прошлого, и носителем знаний о способах и вариантах его моделирования и презентации». Заданный ракурс, несомненно, усложняет исследовательские задачи историографа и усиливает его профессиональную ответственность.

Обсуждение облика и научного статуса историографии закономерно вызвало необходимость обратиться к традиционному вопросу о предмете историографии. Констатировалась трансформация представлений о предметном пространстве современного историографического знания, в ряде докладов были попытки очертить его смысловое наполнение, акцентировав внимание на вошедшем в научный лексикон понятии «историографический быт», понимаемом как выражение научной повседневности и научных коммуникаций сообщества историков. Пытаясь осмыслить его с позиций онтологического и гносеологического подходов, докладчики задавались вопросом о соотношении границ предмета историографии и понятия-явления «историографический быт». При обсуждении были высказаны две различающиеся позиции: «историографический быт» — это метафора и, стало быть, в силу своей неопределенности дает историографу некую свободу в отходе от классического канона представления о личности историка. Вторая позиция — это перифраз уже известной ранее категории «габитус», актуализированной в рамках антропологического поворота, когда применительно к науке на первый план вышли ее субъекты в многосложных коммуникативных связях, во многом определяемых культурной традицией.

Переживание исторической наукой XX–XXI вв. неоднократных методологических поворотов на фоне социально-политических трансформаций, сделало актуальной постановку вопросов о специфике методологических перемен в российской историографии, в том числе о феномене российского позитивизма и его связи с системой общественно-политических настроений. Данные историко-научные наблюдения позволяют, как представляется, актуализировать проблему «переписывания истории» в качестве самостоятельной.

Злободневной выглядела попытка поставить вопрос о понятии новизны в современной историографии, в инновационном ключе

проецировалась проблема восприятия и оценок опыта и наследия исторической науки. Была выделена также проблема изучения феномена советской исторической науки, отмечен отход от одномерной оценки советского историографического проекта как исключительно «научно-политического феномена» и стремление осмыслить его как культурно-историческое явление.

В рамках секции был также проведён круглый стол «Философия и методология истории: к 125-летию выхода в свет “Основных проблем философии истории” Н. И. Кареева». Наследие выдающегося русского историка, социолога, мыслителя продолжает привлекать исследователей, что особенно видно в свете новой книги «Николай Иванович Кареев. Библиографический указатель (1869–2007)» (Казань: Изд-во КГУ, 2008. 224 с.), издание которой было специально приурочено к настоящей конференции. Особую тональность работе круглого стола придало участие в нем Е. В. Мякотинной-Каплан (Франция), дочери ученика, единомышленника, друга Кареева, историка и публициста Венедикта Александровича Мякотина (1867–1937). Разговор развернулся вокруг творческого наследия Кареева, роли его историко-социологической концепции, ее влияния на развитие отечественного историознания. Были проанализированы исследовательская программа ученого, соотношение в ней эмпирического и философско-исторического, обращено внимание на то, что уточнение особенностей многостороннего творчества Кареева связано с изучением его вклада в проблемную историографию. Участники круглого стола подчеркнули место и роль Кареева в истории науки, определяющиеся его вкладом в воспитание не одного поколения ученых. Участникам заседания была продемонстрирована электронная справочно-информационная система «Н. И. Кареев: Библиографический указатель (1869–2007)». Автор поделился накопленным при создании пособия опытом применения гипертекстовых технологий, дающих и исследователям, и обучающимся возможность успешно работать над реконструкцией интеллектуальной биографии ученого, анализом социокультурной среды, выявлением и фиксацией коммуникативного пространства.

Участники Секции 5 «*Время, память и «присвоение прошлого»*» размышляли о таких важнейших для современного исторического познания понятиях как «время», «память», «опыт», «идентичность». Все эти понятия тесно связаны между собой, каждое из них занимает важное место в профессии историка и активно обсуждается в сообществе гуманитариев. В ходе дискуссий было отмечено, что тема времени давно занимает большое место в работах историков, в последнее десятилетие появилось множество книг и статей, в которых время является специальным объектом конкретно-исторического исследования. Исследуется время события, музея, коллекции, тюрьмы, нарратива, мифа, славы, образа, а также темпоральный опыт ссыльного, эмигранта, мемуариста, социолога, историка. Это позволяет говорить о формировании новой трансдисциплинарной области исследований, которую можно назвать антропологической историей времени. Практически все доклады имели междисциплинарный характер, были содержательными, вызвали интерес. В целом работа секции свидетельствует о том, что в сообществе отечественных историков формируется новая интеллектуальная культура, и наша историография приближается к мейнстриму мировой науки.

В рамках работы секции состоялось заседание сессии под названием «*Отдаленное прошлое: проблемы интерпретации*». Участники сессии рассмотрели всю полноту проявления прошлого в самых разных культурно-исторических аспектах и традициях. Это было сделано в широкой хронологической (от Античности до XIX века) и географической перспективах — речь шла об ареалах Средиземноморья и Причерноморья, Малой Азии, Западной Европы и Руси (России). Для большей части сообщений была характерна междисциплинарность. Набор дисциплин, к которым можно отнести доклады, оказался весьма широким. В их числе, помимо собственно истории, география, филология, лингвистика и другие. Весьма широким был демонстрируемый участниками конференции набор методов, избранных ими для проведения исследований, среди которых текстуальный, историографический, филологический анализ; систематизация и ранжирование сведений, полученных из письменных источников и архивных материалов. Основная про-

блема, прошлое и его интерпретация, рассматривалась на материале самых разных культур, например, западноевропейской, византийской, армянской, арабской, древнерусской и русской.

Собственно, именно микроисторическим исследованиям, основанным на тщательном анализе разнообразных источников, среди которых саги, жизнеописания, путевые заметки и дневники, демонологии, судебники и пр., была посвящена большая часть выступлений. Благодаря интерпретации сведений из перечисленных выше текстов прослеживалось становление коллективных представлений о прошлом, «существование» и «выявление» идей прошлого в историописании страны, указывалось на традиционные и новаторские способы передачи событий давно минувшего. Обсуждались также вопросы реконструкции биографии, выявления исторического факта и его интерпретации, складывания дискурса древнерусской идентичности; рассматривалась воображаемая география; историческая составляющая правовых документов и др.

Тематика докладов конференции и прошедшие дискуссии отразили растущий интерес научного сообщества к новациям в области методологии, концептуального аппарата и инструментария исторического исследования (включая использование информационных технологий). Были проанализированы эвристические возможности новейших подходов и направлений, достижения и познавательные границы исторических субдисциплин, сформировавшихся на рубеже XX–XXI вв. в результате «лингвистического», «культурного», «прагматического» и «визуального» поворотов в историческом знании, перспективы микро- и макроподходов, глобальной, региональной, новой локальной, новой институциональной и новой событийной истории, компаративной историографии, исторической имагологии и визуальной антропологии, истории эмоций, восприятий и ценностей, интеллектуальной и гендерной истории и др.

*В. П. Корзун, М. П. Лаптева, Г. П. Мягков, И. Ю. Николаева,
О. С. Поршнева, М. С. Петрова, В. Г. Рыженко, З. А. Чеканцева*